

лучшія произведенія".—Зато, когда самый памятникъ погибъ безвозвратно, онъ сталъ предметомъ самаго внимательнаго и любящаго изученія; масса изданій, комментаріевъ, переводовъ тянется длиннымъ рядомъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и продолжается до нынѣ. Фатально было то, что первые издатели, въ рукахъ которыхъ оказался памятникъ, были по времени слишкомъ плохіе археологи не только для того, чтобы понять этотъ памятникъ, но даже чтобы сѣмъ правильно прочесть его. До новѣйшихъ изыскателей, которые способны были подвергнуть его правильному изслѣдованію, памятникъ дошелъ только въ первомъ неумѣломъ изданіи, въ которомъ въ сущности нельзя было ручаться ни за одну правильно прочитанную фразу, — и неизвѣстно было, на комъ лежитъ вина множества темныхъ мѣстъ этого текста, на самой ли рукописи, которая была его плохой копіей древняго оригинала, или на первыхъ издателяхъ, которые не сумѣли прочесть ее. Множество комментаторовъ, болѣе или менѣе знающихъ или не знающихъ, принялось за истолкованіе текста, и до сихъ поръ накопилась масса разнорѣчивыхъ объясненій съ цѣлью добиться правильнаго чтенія и перевода памятника, котораго отдѣльныя, повидимому правильно сохранившіяся, мѣста поражали дѣйствительно необычайной архаической красотой.

Г. Барсовъ, извѣстный множествомъ своихъ работъ по русской старинѣ и народной поэзіи, уже нѣсколько лѣтъ назадъ предпринялъ свои изслѣдованія объ этомъ памятникѣ, которые появлялись въ журналахъ (между прочимъ и въ „Вѣстникѣ Европы“) и въ специальныхъ ученыхъ изданіяхъ. Мы имѣемъ теперь передъ собой систематическій сводъ его изысканій, гдѣ онъ предположилъ исчерпать всѣ до нынѣ сдѣланныя толкованія текста и подвергнуть его новому критическому осмотру. Въ первомъ томѣ, послѣ общаго введенія объ идеѣ и формѣ „Слова“, г. Барсовъ даетъ обширную библіографію изданій, переводовъ, замѣчаній о памятникѣ на русскомъ языкѣ, на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и на языкахъ иностранныхъ; затѣмъ очеркъ литературы „Слова“ научно-критической, переводной, педагогической, популярной и т. д. Далѣе, идетъ рядъ отдѣльныхъ трактатовъ, гдѣ г. Барсовъ разбираетъ „Слово о Полку Игоревѣ“ какъ выраженіе поэтической школы кievской дружины Руси, какъ историческую повѣсть, разбираетъ его въ отношеніи къ предполагаемымъ пѣснямъ Бояновымъ, къ „богатырскимъ словамъ“, къ позднѣйшимъ повѣстямъ; указываетъ воспроизведенія Слова въ новѣйшемъ искусствѣ—въ гравюрѣ, въ живописи и музыкѣ. Во второмъ томѣ помѣщено три отдѣльныхъ трактата. Первый посвященъ обзору „Слова“ въ его цѣломъ и въ частяхъ: это—подробное изложеніе памятника съ непрерывнымъ ком-